

МРНТИ 06.61.33
УДК 332.145
JEL Q01, R10, R30

<https://doi.org/10.46914/1562-2959-2026-1-2-427-441>

БАЙГАЗИНОВА Д.К.,^{*1}

докторант.

*e-mail: 23240934@turana-edu.kz

ORCID ID: 0009-0000-5598-8640

ТУРИСПАЕВ Е.М.,²

DBA.

e-mail: eturispayev@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-7175-6766

НИЗАМДИНОВА А.К.,²

к.э.н., ст. преподаватель.

e-mail: anizamdinova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3507-5216

ПАНФИЛ ПШЕМЫСЛАВ,³

PhD, доцент.

e-mail: przemyslaw.panfil@prawo.ug.edu.pl

ORCID ID: 0000-0003-3717-4664

¹Университет «Туран»,

г. Алматы, Казахстан

²КазНУ им. аль-Фараби,

г. Алматы, Казахстан

³Гданьский университет,

г. Гданьск, Польша

ОЦЕНКА НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ И ВЫВОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

В условиях повышенной неопределенности и волатильности доходов региональных бюджетов возрастает потребность в инструментах, позволяющих отличать краткосрочные колебания поступлений от устойчивых возможностей территории формировать доходную базу. В статье оценивается налоговая способность (tax capacity) Восточно-Казахстанской области (ВКО) и выявляется разрыв между фактическими налоговыми поступлениями и потенциально достижимым уровнем при имеющейся экономической базе за 2020–2024 гг. Цель исследования – рассчитать налоговую способность региона и показатели налогового усилия (tax effort) и налогового разрыва (tax gap), а также определить, какие укрупненные группы налогов формируют основную часть отклонений «факт – потенциал». Информационной базой послужили открытые данные Комитета государственных доходов МФ РК по укрупненным группам бюджетной классификации (1xx) и официальные социально-экономические показатели БНС АСПиР РК. Оценка tax capacity выполнена двумя комплементарными подходами: (1) benchmark-подходом через «нормальную» налоговую нагрузку к ВРП и (2) структурным подходом, связывающим налоговые группы с макропрокси баз (ФОТ_ргоху, оборот розничной торговли, ВРП). Полученные результаты показывают, что в 2024 г. при росте макроэкономической базы фактические поступления снизились, а tax effort опустился до 0,64–0,71, формируя tax gap порядка 132–180 млрд тг; основной вклад в разрыв обеспечила группа 105 (налоги на товары, работы и услуги) и в меньшей степени группа 101 (подходные налоги). Научная ценность работы состоит в воспроизводимом контуре оценки региональной налоговой способности на основе открытых данных с возможностью структурной декомпозиции разрыва. Практическая значимость заключается в применимости результатов для мониторинга фискальной устойчивости и приоритизации аналитики по наиболее волатильным налоговым блокам с учетом ограничений бюджетного учета (нетто-эффекты по косвенным налогам) и институциональных факторов распределения доходов.

Ключевые слова: налоговая способность, налоговый потенциал, налоговое усилие, налоговый разрыв, региональный бюджет, бюджетная классификация, косвенные налоги.

Введение

Выбор темы исследования обусловлен практической потребностью в более точной диагностике региональной доходной базы: для органов управления и финансовых подразделений важно понимать не только фактическую динамику налоговых поступлений, но и каков «нормальный» уровень доходов, который может формировать территория при имеющейся экономической базе. В международной прикладной традиции эта задача решается через концепции налоговой способности (tax capacity), налогового усилия (tax effort) и налогового разрыва (tax gap), позволяющие сопоставлять реализованные поступления с потенциально достижимым уровнем при условно сопоставимом качестве администрирования [1, 2]. На опыте предшественников показано, что такой подход повышает информативность анализа: он переводит обсуждение с уровня «рост/падение поступлений» на уровень объяснения, почему фактические доходы отклоняются от «представительной» траектории.

Состояние изученности проблемы характеризуется двумя особенностями. Во-первых, значительная часть эмпирических работ по налоговой способности и усилию концентрируется на межстрановых панелях или на отдельных странах с развитой статистикой административных налоговых баз, тогда как на субнациональном уровне часто возникает дефицит сопоставимых данных. Во-вторых, в современной литературе подчеркивается распространенность использования макропрокси для приближения налоговых баз при ограниченности детализированных показателей на региональном / муниципальном уровне, что позволяет получать воспроизводимые оценки tax capacity и tax effort [3, 4]. Одновременно подчеркивается роль институциональной среды и характеристик администрирования (включая цифровизацию, упрощение процедур и управленческие практики) как факторов, которые могут вызывать заметные отклонения факта от потенциала даже при схожей экономической базе [2]. Для Казахстана и его регионов прикладные разработки, объединяющие оценку tax capacity с разложением разрыва по укрупненным налоговым группам на основе открытых источников, представлены ограниченно, что формирует исследовательскую нишу.

Актуальность темы усиливается наблюдаемой динамикой Восточно-Казахстанской области (ВКО): в 2024 г. при росте ключевых макроиндикаторов экономической базы (ВРП, оборот розничной торговли, прокси фонда оплаты труда) фактические налоговые поступления бюджета снизились [5, 6]. Такое расхождение «база – факт» представляет собой практическую проблему для бюджетного планирования и мониторинга фискальной устойчивости. Дополнительный контекст задают административно-территориальные изменения 2022 г., потенциально влияющие на сопоставимость отдельных статистических рядов по региону [7], а также особенности контура учета, поскольку часть фискальных потоков может направляться в Национальный фонд и не полностью отражаться в бюджетных поступлениях.

Объектом исследования выступают процессы формирования налоговых доходов бюджета ВКО в 2020–2024 гг. Предметом – соотношение фактических налоговых поступлений и оцененной налоговой способности региона, а также структура и источники налогового разрыва по укрупненным группам доходов. Цель исследования – оценить налоговую способность ВКО и определить масштаб налогового усилия и разрыва «факт – потенциал» на основе сопоставления бюджетных поступлений с макропрокси экономической базы.

Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) сформировать сопоставимую динамику фактических поступлений по укрупненным группам бюджетной классификации [8]; 2) определить налоговую способность двумя комплементарными методами – benchmark-подходом (нормативная доля налогов в ВРП) и структурной привязкой налоговых групп к макробазам; 3) рассчитать показатели tax effort и tax gap; 4) выполнить структурный анализ поступлений и декомпозицию разрыва по группам 1xx; 5) интерпретировать результаты с учетом институциональных факторов учета и региональной специфики.

В качестве методов и подходов применяются сравнительный анализ, экономико-статистические расчеты и индексный подход на основе показателей tax capacity / tax effort / tax gap, а также структурный анализ состава поступлений; налоговые базы приближаются общедоступными макропрокси в соответствии с распространенной практикой субнациональных оценок [1, 3]. Гипотеза исследования состоит в том, что при росте макроэкономической базы ВКО снижение фактических бюджетных поступлений в 2024 г. отражает не сужение налоговой

базы как таковой, а совокупное влияние структурных и институционально-учетных факторов, которые в наибольшей степени проявляются в блоке налогов на товары, работы и услуги.

Практическая значимость работы заключается в разработке воспроизводимой схемы диагностики региональной фискальной устойчивости: сопоставление фактических поступлений с оценкой налоговой способности позволяет выявлять «узкие места» в структуре доходов, определять годы и налоговые блоки с аномальными отклонениями и формировать обоснованные направления управленческих решений в части мониторинга налоговой базы и администрирования.

Материалы и методы

Информационная база исследования. Эмпирическая часть работы опирается на сопоставление фактических налоговых поступлений Восточно-Казахстанской области (ВКО) с оценкой налоговой способности (tax capacity) региона за 2020–2024 гг. Источником данных о налоговых поступлениях выступают открытые статистические сведения Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан (КГД МФ РК), формируемые в разрезе кодов бюджетной классификации (КБК) доходов и представляемые в динамике по месяцам с накопительным итогом на конец периода [6]. Для обеспечения сопоставимости налоговые поступления агрегировались на годовом уровне по накопительным значениям на декабрь, что соответствует сумме поступлений за календарный год в рамках бюджетной классификации. Нормативная интерпретация групп КБК (уровень 1xx) опирается на действующие положения Единой бюджетной классификации и справочники КБК [8].

Социально-экономические показатели региона (валовой региональный продукт, численность населения, занятость, среднемесячная номинальная заработная плата, оборот розничной торговли, инвестиции в основной капитал, выпуск промышленности, выпуск сельского хозяйства, объем строительства, индекс потребительских цен) сформированы по официальным статистическим материалам Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (БНС АСПиР РК) и региональным статистическим публикациям [5].

Отдельно учитывается институциональный фактор административно-территориальных изменений: с 8 июня 2022 г. вступили в силу решения о реорганизации административно-территориального устройства, затронувшие границы ВКО. Это обстоятельство рассматривается как потенциальный источник структурного разрыва в динамике отдельных базовых показателей и требует осторожной интерпретации резких изменений после 2022 г. [7].

В рамках современной прикладной литературы налоговая способность (tax capacity) трактуется как объем налоговых доходов, который территория способна формировать при имеющейся экономической базе и «типичном / нормальном» уровне администрирования; фактические поступления отражают реализованный результат, зависящий одновременно от базы, административных параметров и разовых факторов [4, 1, 2]. В исследованиях эффективности налогового администрирования и «налогового усилия» подчеркивается, что наблюдаемая собираемость может отклоняться от «представительного» уровня под влиянием институциональных особенностей, цифровизации, организационных практик, а также экономической структуры территории [3, 9, 2].

С учетом ограниченности детализированных налоговых баз на региональном уровне оценка tax capacity часто опирается на макропрокси (например, ВРП / доход, показатели рынка труда, оборот / потребление) как приближения налогооблагаемой базы, что позволяет воспроизводимо сопоставлять «факт» и «потенциал» даже при дефиците микроданных. Данный подход соответствует логике прикладных работ, где tax capacity / effort оцениваются через макрофункции налогообложения и/или модели эффективности администрирования, использующие доступные социально-экономические индикаторы [1, 2].

Для приближения налоговых баз использовались общедоступные макропрокси, что соответствует распространенной практике оценки tax capacity при ограниченности детализированных налоговых баз на субнациональном уровне [10]. В частности:

- ♦ для налогов, связанных с доходами физических лиц и оплатой труда, построен показатель расчетного фонда оплаты труда как произведение среднемесячной номинальной заработной платы, численности наемных работников и 12 месяцев (далее – ФОТ_{проху});

- ♦ для налогов на товары, работы и услуги (включая косвенные налоги) использован оборот розничной торговли как прокси внутренней базы потребления;
- ♦ валовой региональный продукт (ВРП) применен как интегральная характеристика налоговой базы и масштаба экономики, а также как прокси для налогов, где отсутствует сопоставимая открытая база.

Индекс потребительских цен использовался для вспомогательной проверки сопоставимости динамики в реальном выражении (дефляция к базовому году), однако ключевые показатели налоговой способности и разрыва интерпретируются в номинальном выражении, поскольку фактические поступления фиксируются в текущих ценах соответствующего года.

Оценка налоговой способности (tax capacity) и разрыва (tax gap). В работе применены методы сравнительного анализа и экономико-статистического моделирования на основе индексов налогового усилия (tax effort) и разрыва «факт – потенциал» (tax gap), широко используемых в исследованиях налоговой способности. Для повышения устойчивости оценок использованы два взаимодополняющих подхода.

Первый подход (benchmark / quota-capacity) опирается на нормативную налоговую нагрузку к ВРП и задает налоговую способность как долю ВРП [11], [12]:

$$Cap^1_t = \tau^* \cdot GRP_t \quad (1)$$

где Cap^1_t – оценка tax capacity в году t;

GRP_t – ВРП региона; τ^* – «нормальная» налоговая нагрузка.

В настоящем исследовании τ^* определяется как медианное значение отношения фактических налоговых поступлений к ВРП за 2020–2023 гг. (медиана выбрана для снижения чувствительности к выбросам и разовым платежам). Такой прием соответствует логике «представительной» нормы налоговой нагрузки в задачах сравнения факта и способности при отсутствии эталонной межрегиональной панели.

Второй подход (структурный / base-linked capacity) реализует расчет tax capacity через «связку» укрупненных налоговых групп с макробазами [13, 14, 15]. На уровне КБК доходов использовано разбиение 1xx, где налоговые поступления агрегированы в укрупненные группы (например, 101 – подоходные налоги, 103 – социальный налог, 104 – налоги на собственность, 105 – налоги на товары, работы и услуги и т.д.) в соответствии со справочниками и бюджетной классификацией. Для каждой группы g задается базовый прокси-показатель $Base_{\{g,t\}}$ и рассчитывается «нормальная» эффективная ставка $\hat{r}_g$ как медиана отношения поступлений данной группы к соответствующей базе за 2020–2023 гг.:

$$\hat{r}_g = \text{median}_{t \in T} (Tax_{g,t} / Base_{g,t}) \quad (2)$$

$$Cap^2_t = \sum_g (\hat{r}_g \cdot Base_{g,t}) \quad (3)$$

где $T = \{2020, 2021, 2022, 2023\}$.

По смыслу это приближает «представительную» способность собирать налоги при заданной экономической структуре региона, но сглаживает влияние экстремальных значений в отдельные годы. Конкретная привязка баз в настоящем расчете имеет следующий вид: (а) группы 101 и 103 соотносятся с ФОТ_{проху}; (б) группа 105 – с оборотом розничной торговли; (в) остальные укрупненные группы – с ВРП как интегральной базой.

На основе оценок Cap^1_t и Cap^2_t рассчитываются показатели налогового усилия и разрыва:

$$Effort_t = Tax_t / Cap_t \quad (4)$$

$$Gap_t = Cap_t - Tax_t \quad (5)$$

где Tax_t – фактические годовые налоговые поступления.

Значения $Effort_t < 1$ интерпретируются как недореализация налоговой способности (налоговый разрыв положителен), $Effort_t > 1$ – как превышение «нормального» уровня (что может

отражать разовые платежи, перерасчеты, изменение структуры поступлений). При этом следует подчеркнуть, что фактические поступления в бюджет фиксируются в нетто-логике бюджетного учета и потому содержат эффекты возвратов и зачетов (в частности, по НДС), которые могут проявляться в волатильности косвенных налогов. Соответственно, отклонение факта от потенциала по группе 105 следует трактовать как совокупный эффект базы, администрирования и возможных разовых корректировок в рамках бюджетного учета.

Для описания изменений налогового профиля региона дополнительно рассчитана структура поступлений по укрупненным группам 1xx как доля каждой группы в общей сумме налоговых поступлений за год. Такой анализ позволяет отделить изменения общего уровня поступлений от сдвигов в их составе и является вспомогательным инструментом интерпретации динамики tax effort и tax gap.

Следует учитывать, что часть фискальных поступлений, прежде всего связанных с сырьевым сектором, может зачисляться в Национальный фонд Республики Казахстан и, соответственно, не отражаться в рассматриваемых бюджетных поступлениях в сопоставимом виде. В настоящем исследовании расчеты налоговой способности выполняются применительно к поступлениям бюджета (по данным КГД) без отдельного выделения потоков, направляемых в Национальный фонд. Данное ограничение важно при интерпретации результатов по укрупненным налоговым группам, в составе которых присутствуют платежи, потенциально чувствительные к институциональному распределению доходов.

Обработка и сведение данных, расчет индикаторов tax capacity / tax effort / tax gap, а также построение графических материалов выполнены с использованием электронных таблиц и языка программирования Python (библиотеки для анализа данных), что обеспечило воспроизводимость расчетов и контроль логики агрегации.

Для систематизации информационной базы и обоснования выбора макропрокси представлена сводная характеристика ключевых социально-экономических показателей Восточно-Казахстанской области (ВКО) за 2020–2024 гг., дополненная параметрами описательной статистики (таблица 1). Динамика основных индикаторов отражает как общий тренд экономического роста региона, так и структурный разрыв, вызванный административно-территориальными изменениями 2022 г.

Таблица 1 – Динамика и описательная статистика ключевых показателей ВКО, 2020–2024 гг.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	CV, %	CAGR, %
ВРП, млрд тг	4 578	5 030	3 913	4 636	5 035	10,8	+ 2,4
Оборот розн. торговли, млрд тг	853,2	1 015,4	976,1	1 329,5	1 439,4	21,1	+ 14,0
ФОТ_ргоху, млрд тг	692,8	834,2	876,5	1 226,3	1 366,4	27,5	+ 18,5
Налог. поступления, млрд тг	389,2	372,3	475,5	441,8	320,3	14,4	– 4,8
Tax/GRP, %	8,5	7,4	12,1	9,5	6,4	26,5	–
ИПЦ (дек./дек.), %	107,5	108,4	120,3	109,8	108,6	–	–
Примечание: CV – коэффициент вариации; CAGR – среднегодовой темп прироста. Составлено авторами на основе данных КГД МФ РК и БНС АСПиР РК [5, 6]. ВРП за 2022 г. снижен вследствие выделения области Абай [7]. ФОТ_ргоху = средняя номинальная з/п × численность наемных работников × 12.							

Данные таблицы 1 фиксируют ряд существенных закономерностей. В номинальном выражении ВРП за 2020–2024 гг. продемонстрировал кумулятивный рост на 10,0% (с учетом структурного разрыва 2022 г.), оборот розничной торговли – на 68,7%, расчетный фонд оплаты труда – на 97,2%. Между тем фактические налоговые поступления за тот же период снизились на 17,7% (с 389,2 до 320,3 млрд тг), а показатель налоговой нагрузки (Tax/GRP) сократился с 8,5% до 6,4%, достигнув минимального значения за весь анализируемый период.

Особого внимания заслуживает высокая волатильность индикатора Tax/GRP: его коэффициент вариации (CV) составляет 26,5%, что существенно превышает волатильность макробаз

(CV для ВРП – 10,8%). Отрицательный показатель CAGR налоговых поступлениях (–4,8%) на фоне роста всех макропрокси подтверждает нарастающее расхождение между экономической активностью и фискальными результатами региона.

Дополнительный аналитический срез обеспечивает оценка корреляционной связи. Корреляция Пирсона между ВРП и налоговыми поступлениями составляет $\$r = -0,51\$$, что указывает на отсутствие устойчивой положительной связи и подтверждает влияние институциональных факторов, искажающих зависимость «рост базы – рост поступлений». Корреляция между ФОТ_проху и подоходными налогами (группа 101) заметно выше ($\$r \approx 0,62\$$), что свидетельствует о более стабильной привязке данной группы налогов к параметрам рынка труда. В то же время связь между розничной торговлей и налогами на товары/услуги (группа 105) оказалась слабой ($\$r \approx -0,12\$$), что отражает доминирующее влияние учетных нетто-эффектов (возвраты НДС и корректировки).

Таким образом, статистический обзор фиксирует три ключевые предпосылки для последующего анализа tax capacity:

- ♦ устойчивый рост экономической базы ВКО при отрицательной динамике налоговых доходов;
- ♦ аномально высокая волатильность фискальных показателей по сравнению с макроэкономическими индикаторами;
- ♦ неоднородность корреляционных связей, указывающая на необходимость структурного разложения налогового разрыва по отдельным группам налогов.

Результаты и обсуждение

Сопоставление налоговых поступлений с базовыми показателями социально-экономического развития ВКО показывает, что в 2024 г. при росте ключевых макропрокси фактические поступления заметно снизились. Так, ВРП региона увеличился с 4636,3 до 5035,1 млрд тг (+8,6%), оборот розничной торговли – с 1329,5 до 1439,4 млрд тг (+8,3%), расчетный фонд оплаты труда (по номинальной зарплате и численности наемных работников) – с 1226,3 до 1366,4 млрд тг (+11,4%). На этом фоне фактические налоговые поступления сократились с 441,8 до 320,3 млрд тг (–27,5%), а отношение Tax/GRP снизилось с 9,5% до 6,4%. Такое расхождение динамики «базы» и «факта» является ключевым эмпирическим сигналом для оценки налоговой способности и налогового разрыва.

Итоговые оценки налоговой способности ВКО получены двумя способами: (а) через нормативную долю налогов в ВРП (benchmark/quota-capacity) и (б) через структурную привязку укрупненных налоговых групп 1xx к макробазам (ФОТ-проху, розница, ВРП) [1–3]. Результаты приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Фактические поступления и оценка налоговой способности (tax capacity) ВКО, 2020–2024 гг.

Год	Факт, млрд тг	Tax/GRP	Потенциал (Cap ¹), млрд тг	Effort ¹	Gap ¹ , млрд тг	Потенциал (Cap ²), млрд тг	Effort ²	Gap ² , млрд тг
2020	389,2	0,085	414,0	0,940	+24,8	392,3	0,992	+3,1
2021	372,3	0,074	455,2	0,818	+82,9	460,6	0,808	+88,3
2022	475,5	0,121	352,1	1,350	-123,4	372,6	1,276	-102,9
2023	441,8	0,095	416,8	1,060	-25,0	455,1	0,971	+13,3
2024	320,3	0,064	452,7	0,708	+132,3	500,7	0,640	+180,4

Примечание: Составлено авторами на основе данных КГД МФ РК и БНС АСПиР РК [5, 6].

Полученные оценки демонстрируют несколько устойчивых закономерностей. Во-первых, 2020 г. характеризуется близостью факта к расчетной способности ($\text{Effort}^2 = 0,992$), то есть на-

логовые поступления соответствуют «нормальному» уровню при заданной базе. Во-вторых, в 2021 г. фиксируется недореализация способности: $Effort^{1-2}$ опускается до 0,81–0,82, а разрыв «факт – потенциал» оценивается на уровне 83–88 млрд тг. В-третьих, 2022 г. выделяется превышением «нормального» уровня ($Effort^1 = 1,35$; $Effort^2 = 1,276$), что означает отрицательный разрыв (факт выше потенциала) и обычно связано с разовыми факторами и структурными сдвигами в поступлениях. Наконец, 2024 г. становится ключевым по масштабу отклонения: при обоих подходах $Effort$ существенно ниже 1 (0,64–0,71), а оценка налогового разрыва достигает 132–180 млрд тг.

Для интерпретации выявленного разрыва важен анализ структуры поступлений по укрупненным группам 1xx (рисунок 1). В течение 2020–2022 гг. налоговый профиль региона был сравнительно стабильным: доминировали подоходные налоги (101) и внутренние налоги на товары, работы и услуги (105), при умеренной доле социального налога (103) и налогов на собственность (104). В 2023 г. происходит заметный сдвиг: доля группы 105 возрастает до 52,5% (232,0 млрд тг), тогда как доля 101 снижается до 33,3% (146,9 млрд тг). В 2024 г. структура меняется в обратном направлении: доля 105 сокращается до 22,3% (71,3 млрд тг), а доля 101 вновь превышает половину всех поступлений (54,6%; 174,9 млрд тг); одновременно заметно увеличивается доля 103 до 16,8% (53,9 млрд тг). Таким образом, общий спад поступлений в 2024 г. формируется прежде всего за счет сжатия группы 105: ее абсолютное снижение относительно 2023 г. составляет –160,7 млрд тг и перекрывает прирост по 101 (+28,0 млрд тг) и 103 (+9,1 млрд тг).

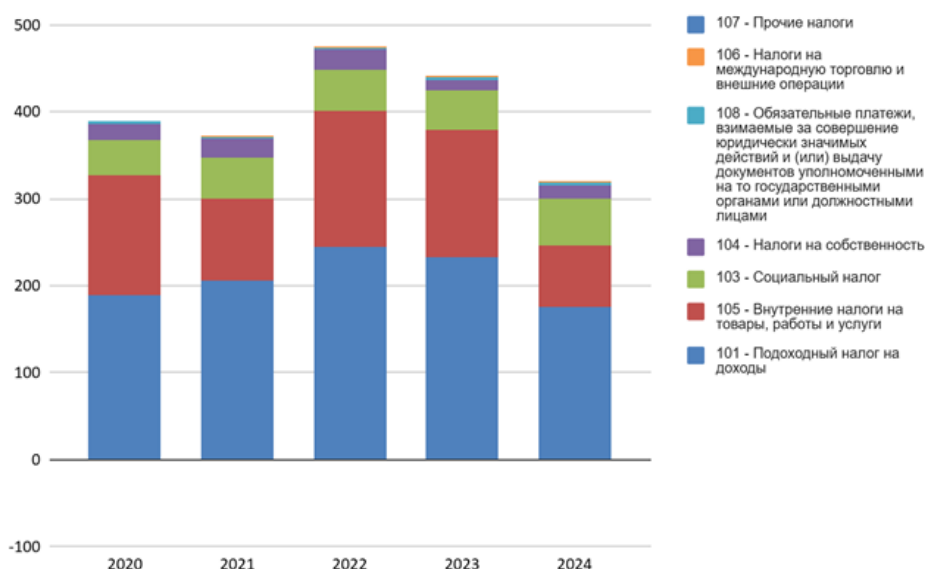

Рисунок 1 – ВКО: структура налоговых поступлений по группам (код 1xx), 2020–2024 гг.

Примечание: Составлено авторами на основе данных КГД МФ РК [6].

Для более предметного объяснения результатов выполнено разложение разрыва 2024 г. по группам 1xx в рамках структурного подхода (Cap²), поскольку именно он «привязывает» потенциал к экономическим базам (ФОТ-проху, розница, ВРП). Расчеты показывают, что почти весь разрыв 2024 г. сосредоточен в двух компонентах (таблица 2): группа 105 формирует +124,7 млрд тг разрыва, а группа 101 – +53,9 млрд тг. Вклад 104 (налоги на собственность) существенно меньше (+6,0 млрд тг), тогда как по 103 (социальный налог) наблюдается не дефицит, а небольшое превышение «нормального» уровня (–3,3 млрд тг), частично компенсирующее общий разрыв.

Таблица 3 – Декомпозиция разрыва «потенциал – факт» по группам 1xx в 2024 г. (структурный подход Сар²)

Группа (1xx)	Факт, млрд тг	Потенциал, млрд тг	Gap, млрд тг
105 – налоги на товары, работы и услуги	71,3	196,0	+124,7
101 – подоходные налоги	174,9	228,8	+53,9
104 – налоги на собственность	15,1	21,1	+6,0
103 – социальный налог	53,9	50,5	–3,3
Прочие (106, 107, 108)	5,1	4,3	–0,9
Итого	320,3	500,7	+180,4
Примечание: Составлено авторами на основе данных КГД МФ РК и БНС АСПиР РК [5, 6].			

Для углубления аналитики целесообразно дополнить оценку tax capacity рядом количественных индикаторов, характеризующих эластичность налоговой системы, ее концентрацию и волатильность поступлений по укрупненным группам (таблица 4).

Таблица 4 – Аналитические индикаторы налоговой системы ВКО, 2020–2024 гг.

Индикатор	2020–2021	2021–2022	2022–2023	2023–2024
Темп прироста поступлений, %	–4,3	+27,7	–7,1	–27,5
Темп прироста ВРП, %	+9,9	–22,2	+18,5	+8,6
Налоговая плавучесть (buoyancy)	–0,43	–1,25	–0,38	–3,20
Доля 101 в поступлениях, %	47,5	38,7	33,3	54,6
Доля 105 в поступлениях, %	34,8	41,3	52,5	22,3
ННІ концентрации (по 1xx)	0,358	0,343	0,403	0,383
Примечание: Налоговая плавучесть (tax buoyancy) = $\% \Delta \text{Tax} / \% \Delta \text{GRP}$. ННІ = сумма квадратов долей укрупненных групп в общих поступлениях (диапазон 0–1; более высокие значения отражают большую концентрацию). Составлено авторами.				

Показатель налоговой плавучести (tax buoyancy) демонстрирует устойчиво аномальную динамику. В классической интерпретации значение buoyancy > 1 свидетельствует о «эластичной» налоговой системе, где рост экономики сопровождается опережающим ростом поступлений. Для ВКО налоговая плавучесть на протяжении всего периода принимает отрицательные значения (за исключением 2021–2022 гг., когда снижение ВРП сопровождалось ростом поступлений, давая формально отрицательный, но содержательно «инвертированный» результат). В 2023–2024 гг. buoyancy = –3,20: рост ВРП на 8,6% сопровождался падением поступлений на 27,5%, что количественно подтверждает тезис о преобладании неэкономических (институциональных, учетных, административных) факторов в динамике налоговых доходов региона.

Индекс Херфиндала–Хиршмана (ННІ), рассчитанный по долям укрупненных налоговых групп (1xx) в суммарных поступлениях, характеризует уровень концентрации налогового профиля. Значения ННІ варьируются в диапазоне 0,343–0,403, что соответствует умеренно-высокой концентрации: от двух до трех групп формируют более 80% совокупных поступлений. Максимум концентрации приходится на 2023 г. (ННІ = 0,403), когда доля одной лишь группы 105 достигла 52,5%. В 2024 г. ННІ несколько снижается до 0,383, однако это «снижение» носит формальный характер – оно отражает не диверсификацию налоговой базы, а структурный сдвиг от 105 к 101, то есть перераспределение зависимости, а не ее ослабление.

Анализ волатильности (коэффициент вариации поступлений по группам за 2020–2024 гг.) показывает: наиболее нестабильной является группа 105 (CV = 53,8%), тогда как группа 101 демонстрирует умеренную волатильность (CV = 21,4%), а группа 103 (социальный налог) – наименьшую (CV = 15,2%). Таким образом, группа 105 выступает основным источником

фискальной неопределенности для регионального бюджета ВКО, и приоритетное внимание к мониторингу именно этого блока обосновано не только масштабом текущего разрыва, но и его исторической волатильностью.

В целом результаты указывают, что расхождение «факт – потенциал» в 2024 г. объясняется главным образом динамикой косвенных налогов и платежей, входящих в группу 105, а также недореализацией потенциала по подоходным налогам (101). При этом сам факт увеличения ВРП, розничного оборота и ФОТ-проху в 2024 г. подтверждает, что выявленный разрыв не сводится к сужению экономической базы и требует дальнейшего обсуждения возможных институциональных и учетных факторов (включая особенности нетто-учета косвенных налогов).

Полученные оценки налоговой способности ВКО показывают, что 2024 г. принципиально отличается от предыдущих лет: при расширении макроэкономической базы (рост ВРП, оборота розничной торговли и расчетного фонда оплаты труда) фактические поступления заметно снизились, а показатель налогового усилия (tax effort) опустился ниже единицы (0,64–0,71), формируя положительный разрыв (tax gap) порядка 132–180 млрд тг. С точки зрения логики tax sarasity это означает, что при сопоставимых «нормальных» параметрах собираемости и при сохранении связи с экономическими прокси регион мог бы сформировать более высокий объем налоговых доходов. Однако важно подчеркнуть, что tax gap в настоящей постановке не следует трактовать как прямую величину «недосбора» исключительно вследствие недостатков администрирования. Поскольку расчеты опираются на укрупненные базы и бюджетный учет поступлений, разрыв отражает совокупное влияние (1) структурных изменений в экономике и налоговых потоках, (2) администрирования и платежной дисциплины, (3) разовых корректировок и перерасчетов, а также (iv) особенностей нетто-отражения отдельных доходных позиций в бюджете.

Декомпозиция 2024 г. показывает, что около двух третей tax gap формирует группа 105 – «внутренние налоги на товары, работы и услуги», тогда как по группе 101 (подоходные налоги) вклад существенно меньше, но также значим. В методологическом плане это различие ожидаемо: подоходные налоги в большей степени привязаны к устойчивым параметрам рынка труда (численность занятых, фонд оплаты труда), тогда как поступления по группе 105 гораздо чувствительнее к изменению структуры оборота, режимов налогообложения, перераспределения платежей между уровнями бюджета, а также к учетным корректировкам, характерным для косвенных налогов.

При интерпретации динамики 105 следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, используемая в расчетах база (оборот розничной торговли) отражает прежде всего внутренний потребительский сегмент и не полностью «покрывает» те компоненты 105, которые формируются вне розничной торговли (например, отдельные платежи по сырьевому сектору или специфические платежи, отражаемые в группе 105 по бюджетной классификации). Во-вторых, фактические бюджетные поступления по косвенным налогам фиксируются в нетто-логике, что означает возможность существенных колебаний из-за возвратов и зачетов; такие эффекты могут временно снижать поступления даже при сохранении объема оборота или выпуска [1]. Поэтому выявленный разрыв по группе 105 в 2024 г. рационально трактовать как сигнал о структурных сдвигах и особенностях формирования налогового потока, а не как однозначный индикатор «ухудшения собираемости».

Второй по значимости компонент tax gap в 2024 г. связан с подоходными налогами (101). С одной стороны, расчетный ФОТ-проху в 2024 г. увеличивается (рост номинальной заработной платы при относительно стабильной численности наемных работников), что по логике tax sarasity должно поддерживать налоговый потенциал. С другой стороны, факт по 101 оказывается ниже оцененной «нормальной» траектории, что может быть связано с комбинацией факторов: неоднородностью занятости по секторам (смещение в пользу режимов с иной налоговой нагрузкой), долей самозанятости и малого бизнеса, а также с изменением состава налогоплательщиков и распределения доходов внутри региона. При отсутствии детализированных микроданных эти гипотезы не могут быть проверены напрямую, однако сам факт расхождения между растущим ФОТ-проху и недореализацией поступлений по 101 подтверждает необходимость более внимательного анализа институциональных параметров рынка труда и режимов налогообложения в последующих исследованиях.

Сравнение двух оценочных схем показывает важный методический эффект. Benchmark-подход (Cap¹), основанный на нормативной доле налогов в ВРП, дает более «сдержанную» оценку разрыва в 2024 г. (около 132 млрд тг), тогда как структурный подход (Cap²) – более высокую (около 180 млрд тг) [1–2]. Эта разница естественна: первый подход объединяет все налоговые потоки в одну пропорцию к ВРП и тем самым частично сглаживает отраслевую специфику; второй подход, напротив, усиливает чувствительность к динамике баз, связывая отдельные группы налогов с конкретными макропрокси (ФОТ и розница). При этом оба подхода совпадают по главному выводу: в 2024 г. наблюдается выраженная недореализация налоговой способности по отношению к «нормальной» траектории, а структурная декомпозиция однозначно выделяет 105 как главный источник отклонения. Следовательно, результат можно считать устойчивым к выбору конкретной спецификации capacity, что повышает его надежность для прикладных выводов.

Для обобщения полученных результатов представим сводную характеристику основных количественных выводов по каждому году анализа (таблица 5).

Таблица 5 – Сводная диагностическая характеристика налоговой ситуации ВКО, 20520–2024 гг.

Год	Effort (диапазон)	Gap, млрд тг	Buoyancy	Доминирующая группа	Диагностика
2020	0,94–0,99	+3...+25	–	101 (47,5%)	Равновесие
2021	0,81–0,82	+83...+88	–0,43	101 (47,5%)	Недореализация
2022	1,28–1,35	–103...–123	–1,25	105 (41,3%)	Перевыполнение
2023	0,97–1,06	–25...+13	–0,38	105 (52,5%)	Баланс с концентр.
2024	0,64–0,71	+132...+180	–3,20	101 (54,6%)	Системный разрыв

Примечание: Effort (диапазон) – разброс оценок по двум подходам (Cap¹ и Cap²); Gap – соответствующий интервал tax gap; Buoyancy – налоговая плавучесть за предшествующий период.

Таблица 5 позволяет выстроить типологию фискальных состояний региона за пятилетний период. 2020 г. характеризуется как период равновесия: оба подхода дают Effort близкий к единице, а tax gap минимален. 2021 г. – период недореализации: при растущей экономической базе фактические поступления снизились, формируя разрыв порядка 83–88 млрд тг. 2022 г. – аномальное перевыполнение, объяснимое, вероятно, разовыми платежами и/или перерасчетами на фоне административно-территориальных изменений. 2023 г. – формальный возврат к балансу, но при максимальной концентрации поступлений в одной группе (105, 52,5%). 2024 г. – системный разрыв, при котором все диагностические индикаторы (Effort, Gap, Buoyancy, структурный сдвиг) синхронно указывают на существенную недореализацию налоговой способности.

Совокупный анализ результатов позволяет сформулировать несколько конкретных управленческих рекомендаций. Во-первых, целесообразно внедрение системы оперативного мониторинга поступлений по группе 105 с квартальным расчетом отношения «факт / прокси» (поступления к обороту розничной торговли), что позволит выявлять аномальные отклонения на ранних стадиях. Во-вторых, для снижения зависимости бюджета от волатильной группы 105 рекомендуется поэтапное развитие устойчивой базы поступлений через формализацию занятости, расширение налогооблагаемого фонда оплаты труда и снижение доли теневой экономики в регионе. В-третьих, при подготовке бюджетных прогнозов следует использовать не точечные, а интервальные оценки поступлений, учитывающие исторический разброс tax effort (0,64–1,35) и выявленную волатильность отдельных компонентов.

Выявленный разрыв «факт – потенциал» может быть использован как диагностический индикатор для региональных органов управления в двух направлениях. Первое направление связано с анализом структуры поступлений и факторов волатильности: доминирующий вклад группы 105 делает региональные доходы более чувствительными к шокам и учетным корректировкам, а значит, требует более внимательного мониторинга компонентов косвенных налогов и связанных с ними административных – процедур. Второе направление – развитие базы устойчивых поступлений через формализацию занятости и расширение налогооблагаемого фонда

оплаты труда, поскольку именно подоходные налоги и социальный налог, как показывает динамика 2020–2024 гг., обладают большей предсказуемостью и связью с фундаментальными параметрами экономики региона. Таким образом, обсуждение результатов подводит к выводу: потенциал повышения налоговой устойчивости ВКО лежит не только в росте экономической базы как таковой, но и в повышении стабильности и прозрачности формирования налоговых потоков по ключевым группам доходов.

Заключение

Проведенное исследование было направлено на оценку налоговой способности (tax capacity) Восточно-Казахстанской области и выявление разрыва между фактическими поступлениями и потенциально достижимым уровнем налоговых доходов при заданной экономической базе. В качестве эмпирической основы использованы данные о фактических налоговых поступлениях бюджета по укрупненным группам 1хх и официальные показатели социально-экономического развития региона за 2020–2024 гг. Налоговая способность оценивалась двумя взаимодополняющими подходами: через нормативную долю налогов в ВРП (benchmark/quota-capacity) и через структурную привязку укрупненных групп налогов к макробазам (ФОТ-проху, оборот розничной торговли, ВРП).

Полученные результаты показывают, что динамика налоговых поступлений в регионе характеризуется выраженной волатильностью. Наиболее существенным итогом является выявление в 2024 г. заметного расхождения между ростом экономической базы и снижением фактических налоговых поступлений: при увеличении ВРП, оборота розничной торговли и расчетного фонда оплаты труда фактические поступления сократились, а показатель налогового усилия (tax effort) снизился до уровня 0,64–0,71. Это соответствует положительному налоговому разрыву (tax gap) порядка 132–180 млрд тг в зависимости от используемой оценки tax capacity. Структурная декомпозиция разрыва показывает, что основной вклад в отклонение 2024 г. формируется группой 105 (налоги на товары, работы и услуги) и в меньшей степени группой 101 (подоходные налоги), тогда как по социальному налогу (103) наблюдается близость к «нормальному» уровню.

Дополнительные аналитические инструменты – налоговая плавучесть (buoyancy), индекс концентрации Херфиндаля–Хиршмана (HHI) и коэффициенты вариации – подтверждают, что налоговая система ВКО характеризуется аномально низкой эластичностью по отношению к экономической базе (buoyancy в 2023–2024 гг. составил –3,20), умеренно-высокой концентрацией поступлений в двух-трех группах (HHI = 0,34–0,40) и выраженной волатильностью группы 105 (CV = 53,8%). Статистический обзор фиксирует устойчиво отрицательную корреляцию между ВРП и совокупными поступлениями ($r = -0,51$) при более устойчивой связи подоходных налогов с показателями рынка труда ($r \approx 0,62$), что указывает на различную природу факторов, определяющих динамику отдельных компонентов налоговых доходов.

Практическая значимость результатов состоит в том, что предложенная схема расчета tax capacity и tax gap может использоваться как инструмент мониторинга и диагностики бюджетной устойчивости на региональном уровне. Сравнение факта с потенциалом позволяет (а) выявлять годы и налоговые блоки, в которых отклонения приобретают системный характер; (б) формировать обоснованные направления для управленческих решений – от уточнения механизмов администрирования и контроля до разработки мер по расширению устойчивой налоговой базы. В частности, приоритетным направлением мониторинга представляется группа 105 как наиболее чувствительная к институциональным и учетным факторам, а также к возможным разовым корректировкам и нетто-эффектам, характерным для косвенных налогов.

Вместе с тем результаты следует интерпретировать с учетом ограничений выбранного контура учета и доступности данных. Во-первых, расчеты выполнены по бюджетным поступлениям и не включают отдельный учет потоков, направляемых в Национальный фонд Республики Казахстан; это может влиять на интерпретацию отдельных компонентов поступлений, прежде всего связанных с сырьевыми платежами. Во-вторых, используемые макропоказатели являют-

ся прокси налоговой базы и не заменяют детализированных налоговых баз и микроданных по налогоплательщикам. Указанные ограничения определяют перспективу дальнейших исследований: уточнение состава налоговых баз по видам налогов, расширение набора административных индикаторов (задолженность, возвраты / зачеты, результаты контрольных мероприятий) и проведение межрегиональных сопоставлений для получения эталонных оценок налоговой способности.

В целом проведенная оценка подтверждает применимость подхода «налоговая способность – налоговое усилие – налоговый разрыв» для анализа региональной фискальной устойчивости и показывает, что для ВКО ключевым эмпирическим вызовом выступает объяснение резкого отклонения 2024 г. по компонентам косвенных налогов и связанных с ними поступлений. Полученные выводы могут быть использованы при подготовке аналитических материалов для органов регионального управления и в дальнейшем – при разработке более детализированных моделей мониторинга налогового потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Nguyen T.T.H., Prior D., Van Hemmen S. A stochastic semi-nonparametric frontier approach for tax administration efficiency measurement: Evidence from a cross-country study // *Economic Analysis and Policy*. 2020. Vol. 66. P. 137–153. DOI: 10.1016/j.eap.2020.03.002
- 2 Ubago-Martínez I., Petrović M., Pindado E., Sánchez-Teba E.M. Tax collection efficiency in OECD countries improves via decentralization, simplification, digitalization and education // *Journal of Policy Modeling*. 2022. Vol. 44. No. 4. P. 763–786. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2022.03.003
- 3 Belmonte-Martín I., Ortiz-Rodríguez D., Polo-Otero J. Local tax management in Spain: A study of the conditional efficiency analysis of provincial tax agencies // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2021. Vol. 78. Art. 101057. DOI: 10.1016/j.seps.2021.101057
- 4 Chigome J., Robinson Z. Determinants of tax capacity and tax effort in Southern Africa: An empirical analysis // *Applied Economics*. 2021. Vol. 53. No. 60. P. 6927–6943. DOI: 10.1080/00036846.2021.1954593
- 5 Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Основные социально-экономические показатели по области (2025 г.) URL: <https://stat.gov.kz/ru/region/vko/dynamic-tables/291541/> (дата обращения: 10.02.2026)
- 6 Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан. Статистика: фактические поступления по налогам и платежам в государственный бюджет за 2002–2025 гг. URL: <https://kgd.gov.kz/ru/content/fakticheskie-postupleniya-po-nalogam-i-platezham-v-gosudarstvennyy-byudzheth-za-2002-2025-gg> (дата обращения: 08.02.2026)
- 7 Об изменении границ Восточно-Казахстанской, Павлодарской областей и установлении границ области Абай: Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 июля 2023 года № 529. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000529> (дата обращения: 07.02.2026)
- 8 Бюджетный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 15 марта 2025 года № 171-VIII. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000171> (дата обращения: 10.02.2026)
- 9 Milosavljević M., Ignjatović M. Is there a link between tax administration performance and tax evasion? // *Economies*. 2024. Vol. 12. No. 8. Art. 193. DOI: 10.3390/economies12080193
- 10 О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс): Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120> (дата обращения: 10.02.2026)
- 11 Tagem A.M.E., Morrissey O. Institutions and tax capacity in sub-Saharan Africa // *Journal of Institutional Economics*. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 332–347. DOI: 10.1017/S1744137422000145
- 12 Turley G., McNena S. Equalisation Transfers and Local Fiscal Capacity: A New Methodology for Ireland // *The Economic and Social Review*. 2021. Vol. 52. No. 1. P. 53–74.
- 13 Zidková H. et al. How Important is the Structure of the EU Economy to the VAT Collection? // *Prague Economic Papers*. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 1–25.
- 14 Arachi G., Assisi D. Fiscal devaluation and relative prices: evidence from the Euro area // *International Tax and Public Finance*. 2021. Vol. 28. P. 685–716. DOI: 10.1007/s10797-020-09623-4

REFERENCES

- 1 Nguyen T.T.H., Prior D., Van Hemmen S. (2020) A stochastic semi-nonparametric frontier approach for tax administration efficiency measurement: Evidence from a cross-country study // *Economic Analysis and Policy*. Vol. 66. P. 137–153. DOI: 10.1016/j.eap.2020.03.002 (In English)
- 2 Ubago-Martínez I., Petrović M., Pindado E., Sánchez-Teba E.M. (2022) Tax collection efficiency in OECD countries improves via decentralization, simplification, digitalization and education // *Journal of Policy Modeling*. Vol. 44. No. 4. P. 763–786. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2022.03.003 (In English)
- 3 Belmonte-Martín I., Ortiz-Rodríguez D., Polo-Otero J. (2021) Local tax management in Spain: A study of the conditional efficiency analysis of provincial tax agencies // *Socio-Economic Planning Sciences*. Vol. 78. Art. 101057. DOI: 10.1016/j.seps.2021.101057 (In English)
- 4 Chigome J., Robinson Z. (2021) Determinants of tax capacity and tax effort in Southern Africa: An empirical analysis // *Applied Economics*. Vol. 53. No. 60. P. 6927–6943. DOI: 10.1080/00036846.2021.1954593 (In English)
- 5 Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniju i reformam Respubliki Kazakhstan. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli po oblasti (2025 g.) URL: <https://stat.gov.kz/ru/region/vko/dynamic-tables/291541/> (data obrashhenija: 10.02.2026) (In Russian)
- 6 Komitet gosudarstvennyh dohodov Ministerstva finansov Respubliki Kazakhstan. Statistika: fakticheskie postuplenija po nalogam i platezham v gosudarstvennyj byudzh et za 2002–2025 gg. URL: <https://kgd.gov.kz/ru/content/fakticheskie-postupleniya-po-nalogam-i-platezham-v-gosudarstvenny-byudzh-et-za-2002-2025-gg> (data obrashhenija: 08.02.2026) (In Russian)
- 7 Ob izmenenii granic Vostochno-Kazahstanskoj, Pavlodarskoj oblastej i ustanovlenii granic oblasti Abaj: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 1 ijulja 2023 goda № 529. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000529> (data obrashhenija: 07.02.2026) (In Russian)
- 8 Bjudzhetnyj kodeks Respubliki Kazakhstan: Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 15 marta 2025 goda № 171-VIII. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000171> (data obrashhenija: 10.02.2026) (In Russian)
- 9 Milosavljević M., Ignjatović M. (2024) Is there a link between tax administration performance and tax evasion? // *Economies*. Vol. 12. No. 8. Art. 193. DOI: 10.3390/economies12080193 (In English)
- 10 O nalogah i drugih objazatel'nyh platezhah v byudzh et (Nalogovyj kodeks): Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 25 dekabrja 2017 goda № 120-VI ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120> (data obrashhenija: 10.02.2026) (In Russian)
- 11 Tagem A.M.E., Morrissey O. (2023) Institutions and tax capacity in sub-Saharan Africa // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 19. No. 3. P. 332–347. DOI: 10.1017/S1744137422000145 (In English)
- 12 Turley G., McNena S. (2021) Equalisation Transfers and Local Fiscal Capacity: A New Methodology for Ireland // *The Economic and Social Review*. Vol. 52. No. 1. P. 53–74. (In English)
- 13 Zídková H. et al. (2025) How Important is the Structure of the EU Economy to the VAT Collection? // *Prague Economic Papers*. Vol. 34. No. 1. P. 1–25. (In English)
- 14 Arachi G., Assisi D. (2021) Fiscal devaluation and relative prices: evidence from the Euro area // *International Tax and Public Finance*. Vol. 28. P. 685–716. DOI: 10.1007/s10797-020-09623-4 (In English)

БАЙГАЗИНОВА Д.К.,^{*1}

докторант.

*e-mail: 23240934@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0000-5598-8640

ТУРИСПАЕВ Е.М.,²

DBA.

e-mail: eturispaev@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-7175-6766

НИЗАМДИНОВА А.К.,²

э.ғ.к., аға оқытушы.

e-mail: anizamdinova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3507-5216

ПАНФИЛ ПШЕМЫСЛАВ,³

PhD, доцент.

e-mail: przemyslaw.panfil@prawo.ug.edu.pl

ORCID ID: 0000-0003-3717-4664

¹«Тұран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

²әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,

Алматы қ., Қазақстан

³Гданьск университеті,

Гданьск қ., Польша

САЛЫҚ ӘЛЕУЕТІН БАҒАЛАУ: БАҒАЛАУ ӘДІСТЕМЕЛЕРІН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ ЖӘНЕ ҚОРЫТЫНДЫЛАР (ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫ МЫСАЛЫНДА)

Андатпа

Өңірлік бюджет кірістерінің құбылмалылығы артқан жағдайда аумақтың нақты түсімдерін ғана емес, оның экономикалық базасы негізінде «қалыпты» жағдайда қанша салықтық кіріс қалыптастыра алатынын бағалау ерекше маңызға ие. Мақалада 2020–2024 жж. аралығында Шығыс Қазақстан облысының (ШҚО) салықтық қабілеті (tax capacity) бағаланып, нақты салық түсімдері мен әлеуетті қол жеткізуге болатын деңгей арасындағы айырма (tax gap) анықталады. Зерттеудің мақсаты – өңірдің tax capacity көрсеткішін есептеу, салықтық күш-жігерді (tax effort) анықтау және «нақты–әлеует» алшақтығын қалыптастыратын негізгі ірілендірілген салық топтарын айқындау. Эмпирикалық база ретінде ҚР Қаржы министрлігі Мемлекеттік кірістер комитетінің (МКК) бюджеттік сыныптамааның 1xx топтары бойынша ашық деректері және ҚР СЖРА Ұлттық статистика бюросының өңірлік әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштері пайдаланылды. Tax capacity екі өзара толықтырушы тәсілмен бағаланды: (1) ӨӨӨ-ге (ВРП) қатысты «қалыпты» салық жүктемесі негізіндегі benchmark тәсілі және (2) ірілендірілген салық топтарын макропрокси базалармен (ФОТ_проху, бөлшек сауда айналымы, ӨӨӨ) байланыстыратын құрылымдық тәсіл. Нәтижелер 2024 жылы макроэкономикалық база өскеніне қарамастан нақты түсімдердің төмендегенін, ал tax effort 0,64–0,71 деңгейіне түсіп, 132–180 млрд тг шамасында tax gap қалыптастырғанын көрсетеді; алшақтықтың басым бөлігі 105 тобы (тауарлар, жұмыстар мен қызметтерге салынатын салықтар) және ішінара 101 тобы (табыс салығы) есебінен туындаған. Зерттеудің ғылыми құндылығы – ашық деректер негізінде өңірлік салықтық қабілетті бағалаудың және алшақтықты құрылымдық декомпозициялаудың қайталанымды әдістемелік контурын ұсыну. Практикалық маңызы – фискалдық орнықтылық мониторингіне, сондай-ақ ең құбылмалы салық блоктары бойынша басқарушылық талдауды приоритизациялауға қолданылуы.

Тірек сөздер: салықтық қабілет, салық әлеуеті, салықтық күш-жігер, салықтық алшақтық, өңірлік бюджет, бюджеттік сыныптама, жанама салықтар, Шығыс Қазақстан облысы.

BAIGAZINOVA D.K.,*¹

doctoral student.

*e-mail: 23240934@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0000-5598-8640

TURISPAEVY.V.,²

DBA.

e-mail: eturispayev@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-7175-6766

NIZAMDINOVA A.K.,²

c.e.s., senior lecturer.

e-mail: anizamdinova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3507-5216

PANFIL PRZEMYSŁAW,³

PhD, associate professor.

e-mail: przemyslaw.panfil@prawo.ug.edu.pl

ORCID ID: 0000-0003-3717-4664

¹Turan University,

Almaty, Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University,

Almaty, Kazakhstan

³Gdansk University,

Gdansk, Poland

ASSESSMENT OF TAX POTENTIAL: COMPARATIVE ANALYSIS OF ASSESSMENT METHODS AND CONCLUSIONS (USING THE EXAMPLE OF EAST KAZAKHSTAN REGION)

Abstract

In the context of heightened volatility of regional public revenues, policymakers increasingly need diagnostic tools that distinguish short-term fluctuations in receipts from a territory's underlying ability to generate tax revenues given its economic base. This paper estimates the tax capacity of East Kazakhstan Region for 2020–2024 and quantifies the gap between actual tax collections and a representative (“normal”) revenue level under comparable economic fundamentals. The study aims (1) to compute tax capacity and the associated indicators of tax effort and tax gap, and (2) to identify which aggregated tax groups account for the largest deviations between actual and potential revenues. The empirical dataset combines open administrative information from the State Revenue Committee of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan (budget classification groups 1xx) with official regional socio-economic indicators from the Bureau of National Statistics. Tax capacity is measured using two complementary approaches: a benchmark (quota-capacity) method based on a representative tax-to-GRP ratio, and a structural (base-linked) method that links major tax groups to macro proxies of tax bases (a payroll proxy, retail turnover, and GRP). The results reveal a pronounced divergence in 2024: despite growth in key macro proxies, actual tax revenues declined and tax effort dropped to 0.64–0.71, implying a tax gap of approximately KZT 132–180 billion. A decomposition shows that the gap is driven primarily by taxes on goods, works, and services (group 105) and, to a lesser extent, by personal income-related revenues (group 101). The paper's contribution lies in a reproducible, open-data framework for subnational tax capacity assessment with structural gap decomposition. The findings can support fiscal sustainability monitoring and prioritize analytical attention to the most volatile revenue blocks, while acknowledging accounting and institutional limitations (e.g., netting effects for indirect taxes).

Keywords: tax capacity, tax effort, tax gap, subnational finance, regional budget, tax structure, indirect taxes, East Kazakhstan Region.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.01.2026